УДК 37.014;316.33

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЗНАНИЕВОМ ОБЩЕСТВЕ: ФУТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Л.И. Ямпольская

Институт «Кибернетический Центр» ТПУ
E-mail: liy@it-university.tpu.ru

Рассмотрена роль университета как основного стабилизирующего института в знаниевом обществе. Центральная и исключительная миссия университета заключается в том, чтобы поддержать инновационность. Ориентируясь на способность университета к адаптации, можно надеяться, что в глобальном мире он сумеет сохранить за собой роль ведущего центра знания, и роль университета, как гаранта академического порядка и стабильности, может стать более важной. Масштаб преобразований, необходимых для успешной конкуренции в глобальном обществе знания, требует от университета жертвовать своими фундаментальными ценностями, чтобы адаптироваться к требованиям зарождающейся эпохи глобализации.

Что ждет университет в обществе XXI в., – обществе знаниевом, сетевом, информационном? Существует несколько вариантов, один из них взят за основу социальными теориями футурологов уже в 60-е гг. XX в. [1]. Данный подход, основанный на ведущей роли знания технологий, рассматривает будущее через призму линейной экстраполяции тенденций, характерных для современного индустриального общества; возникают новые, ориентированные на знание, предприятия, вместо жестокой конкуренции национальных государств возникает мирная глобализация. С перечисленным связана вера в триумф демократического капитализма, варианты которого обретают облик «третьего пути». Есть иной сценарий. Демонтирование индустриального общества, включая его материальные и бюрократические структуры, означает не переход к более высокой форме общественного устройства, а возврат к старым способам социальной и экономической организации. Разрушение окружающей среды, естественной и рукотворной, общества, укорененного в опыте индустриализации и урбанизации, отрицание коллективной ответственности, о которой вели речь все представители крупных политических и социальных европейских движений XIX и XX вв., – таковы характеристики этого нового постиндустриального порядка. Ответственный гражданин и квалифицированный рабочий низводятся до уровня потребителя, которым манипулируют глобальные силы. Опасности, подстерегающие общество, нарастают и становятся неконтролируемыми. Университету ближе первый вариант: благодаря своей роли исследователя, он является источником новаций, от которых в решающей мере зависит будущее общества знания.

Национальное государство, в своей классической форме, в результате глобализации оказалось как бы в осадном положении, оно ослаблено тенденцией к большей приватизации, соблазном трансформироваться в рыночный институт. Похожее происходит и с рынком: в наши дни это понятие – больше метафора, чем реальный механизм. Ранее простой и динамичный, рынок – сплетение сложной системы отношений и договоренностей, он внедрился в политику и общество. Культура, рассматривавшаяся ранее как область эстетической автономии, стала ареной интенсивных рыночных перемен: в новой экономике культура – товар, а границы между государством, рынком и культурой оказались размытыми. Университет интегрирует различные типы деятельности, – государственные, рыночные, культурные.

Что же представляет происходящее для университетов? Сегодня в мире, вопреки успешным экспериментам в области обучения на расстоянии и распределенного обучения, университет сохраняет за собой «смысл места», но университет – больше, чем место; это – автономное пространство, защищенное от вторжения политики или рынка, пространство, в котором может и должно процветать свободное обучение и критическое исследование. Ныне под вопросом, в связи с новыми парадигмами производства знания, оказывается и сама идея автономии.

Деструктивные процессы, которые протекают на уровне государства, культуры и рынка, обнаруживаются и по отношению к идее науки; и дело не только в том, что под вопрос поставлены старые законы знания, и признание получают альтернативные, или что достижения экспериментаторов преобразуют методы естественных наук, но в том, что развивающиеся парадигмы знания обуславливают:

- решающую роль контекста науки, – не просто в категориях ее практической полезности, не только на уровне постановки проблем и выбора методологии, но и в переопределении самого критерия достоверности знания как знания социально полезного;
- расцвет исследовательских сообществ, – как благодаря достижениям в области связи и информационных технологий, обеспечивающих сотрудничество в глобальном масштабе, так и потому, что эти новые общности объединяют разрозненных исследователей.

Последствия парадигм производства знания университет может ограничить, сделав больший акцент на трансляции знания и прикладных исследованиях. Подобные решения просматриваются в университетской и исследовательской политике

многих стран, но они проявляют себя лишь до определенного предела. Когда-то распад Империи породил угрозу для старых форм интернационализации, из которой университет сумел извлечь пользу, и любое ослабление престижа науки или сомнение в ее полномочиях, вероятно, может вызвать альтернативные призывы университетов к универсализму. П. Скотт утверждает: легко доказать, что по мере роста массовых систем высшего образования, сопровождающегося демократизацией знания (социальное многообразие стимулирует академический плюрализм), университет сможет удобно адаптироваться к новым парадигмам получения последнего [1].

Уже в переходный период рубежа XX–XXI вв. университет становится динамичным институтом, который может не только выступать в роли первичного поставщика научно-технического знания и профессиональных умений, определяющих развитие экономики, но и предлагать альтернативные, справедливые и рациональные принципы социальной стратификации. Ранее величие нации определялось завоеваниями и колониями, а авторитет – уровнем культуры. В обществе знания университеты могут стать ключевыми агентствами в сфере национальной самооценки и оценки глобальной конкурентоспособности. Они смогут не только превратиться в крупномасштабных редистрибьютеров культурного капитала, но определять и производить такой капитал, – в виде квалификаций, которые придут на смену старым классовым, половым или расовым демаркаторам.

Если ситуация будет развиваться по иному сценарию, роль университета окажется иной. В обществе знания, где знание меняет свои основания, а социальная структура становится противоречивой, его роль трансформируется: он выступит в функции основного стабилизирующего института, что не означает пересмотр элитарной культуры или снижение традиционной роли университета в производстве и воспроизводстве социальных и технических элит: элитная культура, считает П. Скотт, частично будет уже анахронизмом, а частично – товаром, предметом потребления [1, 2].

Попытка же воспроизводства элит может оказаться тщетной, потому что элиты там, где они продолжат свое существование, будут неустойчивыми, эфемерными и будут определяться не столько дипломами, сколько меняющимся образом жизни. Стабилизационная роль может придать университету форму посредника и интерпретатора тех систем, которые выступят, с одной стороны, носителями глобальной экономики, а с другой, – расширяющейся индивидуализации жизни. Подобный прогноз, говорящий о контрасте между ролью университета как института развития, или новаций, и стабильности, или сохранения, не нов. С самого начала университет был в числе не только стабильных, но и динамичных общественных институтов. Так П. Скотт в качестве примера этого приводит следующее. С момента появления в Средние века первых университетов Болоньи, Парижа и Оксфорда, они уже являлись источником новизны: возникли учреждения, культивировавшие чистое знание [3]. Сегодня университеты связаны с проектами прогрессирующего развития. Попытка воскрешения прежнего облика в среде, характерной для процессов глобализации и становления общества знания, невозможна.

Объемы перемен и нововведений в университетском образовательном пространстве никогда не были так высоки, как последние тридцать лет, университет сегодня, в XXI в. уже не похож на университет середины XX в. Численность студентов удвоилась или даже утроилась. В своем большинстве они уже не являются выходцами из привилегированных социальных групп и не сориентированы на то, чтобы впоследствии занять элитарные должности или сделать элитную карьеру. Связи между университетами и национальными элитами не уничтожены полностью, но стали иными. Фундаментальные изменения произошли в университетах и с организационной точки зрения, – они стали огромной корпоративной бюрократией.

Можно полагать, что центральная и исключительная миссия университета заключается в том, чтобы поддержать инновационность. А ориентируясь на способность университета к адаптации, которую он продемонстрировал в прошлом, можно надеяться: в глобальном мире он сумеет сохранить за собой роль ведущего центра знания, и роль университета как гаранта академического порядка и стабильности может стать более важной, масштаб преобразований, необходимых для успешной конкуренции в глобальном обществе знания, может превысить способность университета к адаптации, и уже сегодня он не должен стремиться все делать сам: необходимо взаимодействовать с самыми разными учреждениями.

Будет ли университет доминировать в сетевом обществе? Сегодня развиваются новые формы организации знания. Конечно, как обучение, так и исследования высокого уровня всегда велись вне стен университета и общей системы исследовательской работы. Опыт свидетельствует, что в Соединенных Штатах так называемая корпоративная аудитория является по размерам такой же, как и вся система высшего образования, а значение исследований, даже «чистых», в частном секторе никогда не ставилось под вопрос. Стремительное развитие корпоративных университетов важно вдвойне: и с точки зрения количественной, потому что темпы роста здесь намного выше, чем в формальной образовательной системе, и с точки зрения того, что все более расширяющееся значение и неточное использование термина «университет» таит в себе угрозу, хотя сам по себе этот факт можно воспринимать и в качестве комплимента, поскольку он свидетельствует об авторитете университетского бренда. Вместе с тем неточное исполь-

зование термина «университет» – пример того, как трудно стало определять само содержание этой категории.

Настолько сильно окажется воздействие университетов-корпораций? В настоящее время их деятельность в значительной степени ограничена территорией Соединенных Штатов, которые имеют и наиболее развитую систему высшего образования. Возникновение этих университетов рождает вывод о коммерциализации высшего образования вообще. А так как правительства тоже подталкивают общественные университеты на путь предпринимательства, едва ли они будут ограничивать сферу деятельности корпоративных институтов более энергично, чем делали это в прошлом. Рост числа корпоративных университетов свидетельствует о переменах в экономике высшего образования, что не случайно, – корпоративные и виртуальные университеты часто связаны между собой, а наиболее мощными конкурентами традиционного университета в наступившем столетии будут средства массовой информации; информационные структуры или консалтинговые фирмы, которые намного быстрее, чем университеты, способны вступать в глобальные союзы.

Будет ли университет доминировать в глобальной экономике и обществе знания?

Сегодня конфигурация академической деятельности – обучение студентов, до недавнего времени выходцев из социальной элиты, высшее профессиональное образование, научное исследование отражают устаревшую экономику. Стоит отметить, что определенная напряженность между разными функциями университета (особенно между обучением и исследованиями) существовала всегда, но в целом они были соединены общностью профессиональных структур, едиными академическими ценностями, традиционными технологиями, общими нормами и, возможно, экономикой: эти функции были увязаны в университете по вполне прагматичным причинам. П. Скотт считает, что старые рамки ограничений могут быть ослаблены, и не просто в результате достижений в сфере информационно-коммуникативных технологий, а потому, что сила тяжести институционализации в целом будет расти слабее. Если принять во внимание появление новых и плюралистических парадигм производства знания, позиция университета может оказаться слабой. И, вероятнее всего, угроза для него будет исходить не от новых типов институтов с аналогичным названием, а из неуниверситетской среды. Возможно, в обществе, пропитанном знанием, необходимость в университетах вообще отпадет, во всяком случае, в тех формах, в каких они существуют в настоящее время. Кроме того, ставится под вопрос традиционное убеждение в прогрессивно-поступательном развитии университета в век знания, что вызвано изменяющейся ролью союзов, партнерств и сетей: она становится более важной, чем роль института. Университет мог жить как особый институт и продуктивная идея в эпоху высшего образования, даже массового. Но сумеет ли он выжить во время перехода к непрерывному образованию, которое станет делом многих, причем самых разных, структур, организаций и институтов? Непрерывное образование не сможет оставаться миссией исключительно университета, или учреждений, очень похожих на него. Новая система будет распределенной и социально, и глобально, и наши современные представления о границах между получением знания, или исследованиями, их распространением, трансляцией, или обучением могут оказаться нарушенными.

До сих пор университетское образование предполагало наличие автономных пространств, изолированных от политики рынка, от других институтов. Но непрерывное образование требует отказа, преодоления традиционных границ. Мир приходит к идее «производства» знания, успех которого будет зависеть от действенности системы, укрепляющей взаимосвязи разных учреждений и организаций, или, более радикально, от того, можно ли будет старую систему связей и отношений заменить новой, которую нелегко включить в уже сформированные институциональные структуры. В этих условиях университету придется переопределить себя в роли партнера: не иметь особых привилегий или претензий в поле более широко понимаемого обучения, реализуемого совместными усилиями разных структур. Университетам предстоит трудная работа, университеты пожертвуют своими фундаментальными ценностями, положив их на алтарь новизны, чтобы адаптироваться к требованиям зарождающейся эпохи глобализации. Возможно, если они не проявят нужную гибкость, необходимость в них может просто отпасть, а если продемонстрируют ее, в итоге могут перестать быть университетами. В XXI столетии университеты должны будут пройти между тем, что действительно устарело и возможным отказом от некоторых своих ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скотт П. Реформы высшего образования в стенах Центральной и Восточной Европы: попытка анализа // Alma Mater. – 2002. – № 4. – С. 44–48.
2. Ten Years After Looking Ahead: A Review of the Transformations of Higher Education in Central and Eastern Europe // Studies on Higher Education. – Bucharest: UNESCO-CEPES, 2000. – 52 p.
3. University in Early Modern Europe (1500-1800) / Ed. by H. De Ridder-Symoens // A History of the University in Europe / General Editor W. Ruegg. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – V. 2. – P. 412–456.